

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-395-408
EDN: TBIQDI

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЛОВА
ДУНИЯ ‘МИР, ВСЕЛЕННАЯ’
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Лейля Магомедовна Кабардокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, kabardokova1988@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию арабской заимствованной лексемы *дуния* ‘мир, вселенная’ в карачаево-балкарском языке. Анализу подвергаются лексико-семантические особенности свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, в составе которых выступает это слово. В работе изучаются мотивирующие особенности употребления редуцирующего компонента в парно-повторных изолированных конструкциях, состоящих из лексикализованных форм исходного и местного падежей с компонентно-собираемыми семантическими оттенками. В ней рассматриваются пути фонетического освоения заимствованного слова *дуния* ‘мир, вселенная’ в карачаево-балкарском языке, анализируются словообразовательные и словоизменительные аффиксы, характеризующие фонетические и морфологические особенности синтаксических конструкций различной сложности. В статье обращается внимание на участие аффиксальных морфем в организации лексико-семантической структуры производных основ и устойчивых сочетаний.

Структурно-семантический анализ устойчивых сочетаний со словом *дуния* ‘мир, вселенная’ свидетельствует о том, что неразложимые лексические и фразеологические единства создаются в результате лексико-семантической трансформации моделей свободных словосочетаний.

Ключевые слова: заимствование, изолированные формы, формы пространственных падежей, изоляция именных форм, нарицательное имя, религиозная лексема.

Для цитирования: Кабардокова Л.М. Лексико-семантическое поле слова *дуния* ‘мир, вселенная’ в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 395-408. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-395-408. EDN: TBIQDI.

© Кабардокова Л.М., 2024

Original article

**THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF THE WORD *DUNIYA*
‘WORLD, UNIVERSE’ IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE**

Leyla M. Kabardokova

The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, kabardokova1988@bk.ru

Abstract. The article offers a thorough examination of the Arabic-Persian borrowed lexeme *duniya* ‘world, universe’ in the Karachay-Balkar language. The lexical and semantic characteristics of free and lexicalized phrases, as well as idioms of the phraseological type, including this term, are examined. The paper examines the motivating features of the use of the reduplicating component in paired-repeated isolated constructions consisting of lexicalized forms of the original and local cases with component-collective semantic shades. It examines the ways of phonetic development of the borrowed word *duniya* ‘world, universe’ in the Karachay-Balkar language, analyzes the word-formation and inflectional affixes characterizing the phonetic and morphological features of syntactic constructions of varying complexity. The paper emphasizes the importance of affixal morphemes in organizing the lexical and semantic structure of derived bases and stable combinations.

The structural and semantic analysis of stable combinations with the word *dunya* ‘world, universe’ indicates that indecomposable lexical and phraseological units are created as a result of the lexical and semantic transformation of models of free phrases.

Keywords: borrowing, isolated forms, forms of spatial cases, isolation of nominal forms, common name, religious lexeme.

For citation: Kabardokova L.M. The lexical and semantic field of the word *duniya* ‘world, universe’ in the karachay-balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 395-408. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-395-408. EDN: TBIQDI.

© Kabardokova L.M., 2024

Введение

Религиозная лексика карачаево-балкарского языка, частично зафиксированная в различных лексикографических источниках, посвященных заимствованиям из арабского и персидского языков, своеобразно отражает влияние мусульманской религии на мировоззрение, культуру, историю карачаевского и балкарского народов. Универсальные взаимоотношения языка и религии являются двумя формами общественного сознания, функционирующими как самостоятельные знаки со своей семантикой и стилистическими формами передачи. К числу дискуссионных вопросов в области изучения религиозного пласта лексики карачаево-балкарского языка относится то, что в настоящее время не определены объём и границы основ, относящихся к этой категории лексики, не выявлены их основные лексико-семантические группы. Не все лексемы с религиозным содержанием зафиксированы в существующих словарях карачаево-балкарского языка: некоторые из них в одном лексикографическом источнике характеризуются как мифологические, в других – как религиозные. Отсутствуют границы между терминологическими понятиями «мифологическая лексика» и «религиозная лексика», из-за чего вне поля зрения исследователей остаётся определенный круг слов.

Важной составляющей частью карачаево-балкарского языка является религиозный пласт лексики, в котором отражены особенности мировосприятия этноса и языковая картина мира.

В лексикографическом плане в статье даётся исследовательская характеристика арабской основы *дуния* ‘мир, вселенная’, участвующей в образовании не только нарицательных лексем, но и широкоупотребительных ономастических конструкций, имеющих отношение к разным изменениям в семантике слов и словосочетаний. Универсальной особенностью употребления слова *дуния* в ка-

рачаево-балкарском языке является то, что часть рассматриваемых конструкций, образованных с помощью этой основы, и изолированные формы пространственных падежей, перестали ассоциироваться у носителей языка как религиозные и вошли в обиходный язык.

Основная часть

Терминологическое словосочетание «*арабо-персидское заимствование*» употребляется исследователями карачаево-балкарского языка в разной интерпретации: применительно к слову **дуния** С.К. Бабаев употребляет терминологическое сочетание «*персидское заимствование*», А.Ж. Будаев – «*арабо-персидское заимствование*».

С.К. Бабаев, анализируя религиозную арабо-персидскую лексику, проникшую в карачаево-балкарский язык в разное историческое время, в своей работе «*К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов*» на странице 45 отмечает, что слово **дуния** является персидским заимствованием и употребляется в адаптированной форме **дуния** (свет (белый, мир, вселенная) [Бабаев 2000: 45].

В терминологическом словосочетании «*арабо-персидское заимствование*» нельзя убрать составляющую часть «персидское», так как слово **дуния** проникло в карачаево-балкарский язык не из арабского языка, а из персидского. В настоящее время, как и раньше, совместное употребление терминов как в арабском языке, так и персидском на этом уровне, настолько их сблизило, что трудно определить корни большинства религиозных основ. С.К. Бабаев отмечает, что встречаются общие слова в осетинском, персидском и карачаево-балкарском языках. К числу таких лексем относится и слово **дуния** в персидской интерпретации [Бабаев 2000: 45].

С.К. Бабаев обращает внимание на то, что многие религиозные арабо-персидские заимствования, проникшие в карачаево-балкарский язык, употребляются и в дигорском диалекте осетинского языка.

Исследователь карачаево-балкарского языка А.Ж. Будаев в своей работе, посвященной иноязычному влиянию на развитие карачаево-балкарского языка, все время употребляет такие термины, как «*арабо-персидские лексические элементы*» [Будаев 2014:135], «*арабо-персидские заимствования*» [Будаев 2014: 138], «*арабские и персидские заимствования*» [Будаев 2014: 138].

В отдельных местах автор конкретно указывает на то, какие слова взяты из арабского языка, а какие из персидского, а в других – ограничивается тем, что перечисляет общий список слов без указания на конкретную принадлежность, употребляя термин «*арабо-персидские заимствования*». В этом списке числится и слово **дуния**, подчиненное в основном фонетическим законам карачаево-балкарского языка с ломанным сингармонизмом [Будаев 2014: 139].

Вместе с тем мы считаем, что арабские и персидские заимствования следует рассматривать отдельно. Слово **дуния** мы считаем заимствованием из арабского языка.

Слово **дуния**, являясь арабским заимствованием в карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, выступает многозначной осно-

вой, участвует в образовании свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, которые как устойчивые компоненты входят в лексико-грамматическую структуру пословиц и поговорок. Слово **дуния** сочетается со словообразовательным аффиксом **-лыкь**, например, **дуния** + **лыкь** 'мирская, земная жизнь'. Кроме того, слово **дуния** так же, как и производные от него единицы, изменяется по падежам по модели собственно карачаево-балкарских субстантивных основ. Формы пространственных падежей: дательного **дуниягьа** 'миру, вселенной', местного **дунияда** 'в мире, вселенной', исходного **дуниядан** 'от мира, вселенной' выявляют как изолированные лексемы переносное значение. Данные основы в толковом словаре карачаево-балкарского языка не отражены как самостоятельные словарные единицы в силу того, что затемнена лексико-семантическая структура исходной корневой морфемы. Будучи индивидуальными грамматическими формами слова **дуния**, они с семасиологической точки зрения ничем не отличаются от обычных регулярных форм категории склонения. Своеобразие приведённых словоформ заключается в том, что они иллюстрируются внутри словарной статьи, которая употребляется в форме исходного падежа.

Формы пространственных падежей без нарушений описанных правил их разработки с достаточным основанием можно приравнять к самостоятельным лексическим единицам с уточнением их отношения к исходной корневой единице **дуния** 'мир, вселенная', так как структурно и семантически они употребляются внутри словарной статьи. Формы остальных падежей в толковом словаре не упоминаются, так как являются зависимыми от формы именительного падежа. Лексико-грамматические особенности падежных форм слова **дуния** имеют место и в карачаево-балкарском языке.

Особенностью пространственных падежей является то, что эти формы вместе с показателями грамматической категории склонения являются полностью лексикализованными основами. Другими словами, изолируясь от значения корневой морфемы, они выступают в категории другой части речи, а именно – наречия. Они изолируются от значения производящей основы **дуния** в отношении к системе дательного, местного и исходного падежей, выступают как самостоятельные слова без грамматических значений. Таким образом, в данном случае применительно к формам пространственных падежей разработаны изолированные словоформы **дуниягьа, дунияда, дуниядан**, которые действительно функционируют на правах самостоятельного слова, не имеющего лексико-семантической связи со значением исходной основы. Об изолированных формах в тюркских языках можно судить по некоторым работам, в которых даются отдельные сведения в виде отрывочных замечаний [Баскаков 1952; Дмитриев 1948: 117-118; Кононов 1960: 288-289].

Больше всего изолированные формы встречаются среди наречий, имеющих связь с падежами, обозначающими не только пространственные, но и временные отношения. А.А. Юлдашев обращает внимание грамматистов на «нарушение тождества слова, преобразование словоформы в собственно лексическую единицу» [Юлдашев 1972: 97], значение которой, как спорного образо-

вания, в одних случаях выводится из лексико-семантической структуры слова, а в других – не выводится.

Значения форм пространственных падежей не совпадают с типовыми грамматическими значениями парадигмы в силу того, что существуют отклонения от функционирующих правил формообразования. Для того, чтобы целесообразно интерпретировать формы изолированных единиц, представляется необходимым ориентироваться на сходный материал из толковых словарей. Лексико-семантической особенностью словообразовательной и формообразовательной религиозной лексемы *дуния* ‘мир, вселенная’ является то, что она употребляется не только как производящая основа, но и как самостоятельная частеречная основа. Это слово приводится и в толковом словаре и его употребление возможно на деле не только теоретически, но и вполне реально. Особенностью лексикографической интерпретации изолированных форм *дуниягъа*, *дунияда*, *дуниядан* является то, что они имеют окказиональное употребление, не нашедшее ещё своего места в лексической системе карачаево-балкарского языка точно так же, как и множество других сходных единиц, имеющих только переносное значение.

Хотя они рассматриваются и выделяются как самостоятельные словарные статьи новообразований наравне с их производящими морфемами, лексическая тождественность однокорневых словоформ в отдельных случаях подвергается сомнению. Они квалифицируются, будучи не отмеченными в лексикографических источниках, как отдельные частные производные значения исходных основ. Необычные формы пространственно-временных падежей, будучи семантически близкими к их производящим основам, относятся к самостоятельным лексическим основам не только в силу особенностей их переводимости на русский язык отдельными словами. Формы пространственно-временных падежей близки по своим лексико-семантическим признакам к так называемым служебным именам. Выделение сходных форм в качестве самостоятельных лексических единиц объединяет редкая употребительность корневого слова в форме основного падежа, зафиксированного в лексикографическом источнике в качестве словарной формы имён существительных.

В карачаево-балкарском языке отдельный разряд наречий образуется за счёт окаменелых и омертвелых форм, оторвавшихся от полной схемы словоизменения имени существительного. В силу семантико-синтаксических причин некоторые из падежей принимают особые значения, отдалённо связанные со значениями корневой морфемы и тем самым оторванные от целой схемы словоизменения, изолируясь от неё. Результатом таких лексико-семантических трансформаций является образование нового слова, этимологически связанного с основным именем существительным в форме именительного падежа. Отличительной особенностью местной падежной формы – пространственно-временной единицы *дунияда* ‘в мире’, является то, что здесь показывается не обычный местный падеж в его отношении к имени существительному *дуния* ‘мир, вселенная’, а уже другая форма, выявляющая иные частеречные особенности, а именно особенности наречия, проявляемые в отдельных временных коннотациях. Изолированные местные падежные формы, в какой-то степени семантиче-

ски связанные между собой и с этимологическим значением, отчётливо проявляются как самостоятельно, так и в контекстуальном окружении, то есть эти формы в местном падеже на вопрос чем? не отвечают. Формы местного падежа в виде наречия, показывающего временные отношения, также представляют собой окаменелые или морфологически изолированные наименования, реально существующие и образованные в процессе лексикализации. Следует обратить внимание на то, что изоляция именных форм в карачаево-балкарском языке не сопровождается фонетическими изменениями.

Исходный падеж религиозного имени существительного *дуния – дуниядан* изолировался также со значением наречия. Дательный падеж также изолировался и употребляется в значении наречия. В современном карачаево-балкарском языке, так же, как и в других тюркских языках, значительную группу составляют наречия, восходящие к словоизменительным формам. Этот способ образования наречий именуется «изоляцией» – термин, впервые введённый в языкознании А.М. Пешковским. В результате модификации словоизменительных форм слова, при наличии определенных лексико-семантических особенностей употребления того или иного слова в определенной словоизменительной форме, оно изолируется полностью от всей парадигмы данного словоизменения и приобретает наречное значение. К наречиям относятся только изолированные падежные формы. Изоляции подвергаются только три падежа в силу своего грамматического значения: дательный, местный, исходный. Исходной основой для образования наречий с помощью падежных форм выступают в большинстве случаев имена прилагательные, числительные (количественные и порядковые), указательные местоимения, имена существительные с «местоимённым содержанием».

«Имена прилагательные и числительные, которые с помощью приёма примыкания используются в атрибутивной (приимённое определение) и в обстоятельственной (приглагольное определение) функциях, приобретая форму указанных падежей, вербализуются, т.е. переходят в разряд наречий, и получают возможность свободно (дистантно) размещаться в составе предложения» [Конов 1960: 288].

Особенностью морфологического способа адвербиализации религиозного термина *дуния* является превращение имени существительного (обозначающего отрезок пространства) в наречие с помощью словоизменительных аффиксов *-гъа, -да, -дан*.

По своему лексическому значению формы пространственно-временных падежей *дуниягъа, дунияда, дуниядан* относятся к изолированным обстоятельственным наречиям.

Синтаксические функции изолированных наречий заключаются в выражении обстоятельственного признака (в широком смысле) абстрактного имени существительного *дуния* ‘мир, вселенная’, не меняющего своей формы.

Следует отметить, что в содержательном отношении нарицательное имя *дуния* и генетически связанные с ним падежные формы принципиально отличаются друг от друга по своему назначению, по выражению обобщённого значения.

Глобальный характер свободной воспроизводимости изолированных падежных форм затрудняет определение границ между лексическим и грамматическим значениями с точки зрения принадлежности к словообразованию и формообразованию. За редким исключением грамматисты и лексикографы не сомневаются в том, что формы пространственных падежей с точки зрения их свободной воспроизводимости относятся к словообразованию, а не к формообразованию.

Изолированные пространственно-временные падежные формы, как регулярные словообразовательные модели с типовой прозрачной структурой, характеризуются высокой употребительностью, являясь лексикографическим материалом при отборе их для полных и неполных толковых и переводных словарей. Особенностью подобных единиц является то, что производные основы, образованные с помощью словоизменяющих аффиксов, обнаруживают семантическое или структурное своеобразие.

В карачаево-балкарском языке обладают прозрачной словообразовательной структурой многочисленные новообразования, которые могли бы найти своё место как в терминологических, так и общих словарях.

В словарях карачаево-балкарского языка отражены и производные существительные на *-лыкь* с абстрактным значением. В их число можно отнести и религиозную лексему, образованную в результате морфологизации производящей основы *дуния+лыкь*, то, что относится к миру, вселенной. Изолированные падежные формы в карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, реально употребляемые, воспринимаются как нечто возможное лишь с теоретической точки зрения. Подобные формы, не успевшие обосноваться в общенародном употреблении, было бы целесообразней лексикографировать в отраслевых словарях. И в зависимости от необходимого вхождения в состав общеупотребительной лексики можно было бы включать их в толковые словари при условии, если они обнаруживают словообразовательное значение. Особенностью функционирования изолированных пространственно-временных падежных форм является то, что их словообразовательное значение выводится непосредственно из значения самой производящей основы. Словообразовательное значение обнаруживается и в словообразовательной форме на *-лыкь* с отвлечённо-собирательным типовым значением, образованной по единой модели, например, *дуния+лыкь=дуниялыкь* 'мирское'. Особенностью подобной регулярной формы, выявляющей заметное своеобразие, является то, что её производящая основа имеет самостоятельное употребление.

Изолированные падежные формы, не отличающиеся продуктивной употребительностью на базе самих тюркских языков, больше напоминают окказиональные образования с абстрактным значением, что затрудняет их включение в толковые словари. Эти лексические единицы, соответствующие общим требованиям отбора регулярных словообразовательных форм, хотя и не включаются в лексикографические источники, легко могут быть осмыслены по значению производящей основы. Многие наречия, требующие выборочного отражения, в зависимости от степени наполняемости лексико-семантической структуры производных основ новыми значениями, заметно отличаются от своих про-

изводящих основ и характеризуются высокой употребительностью. Многие сходные изолированные образования, свободно создаваемые по единой модели, можно было бы не включать в словник общего словаря, ограничившись включением в него лишь отдельных наиболее употребительных форм.

Арабо-персидское заимствование *дуния* 'мир, вселенная' большей частью употребляется в произведениях художественной литературы, поэтических строках. Помимо того, что имеет падежное склонение, выступает в единственном и множественном числах. Этимологическое сопоставление карачаево-балкарских старых и современных форм абстрактного имени существительного *дуния* и его падежных вариантов на реальном лингвистическом материале свидетельствует о существовании фонеморфологических сопоставлений формальных показателей категории числа с привлечением дополнительных лексико-семантических данных.

Следует обратить внимание в карачаево-балкарском языке на то обстоятельство, что форма единственного числа именной основы *дуния* одновременно может употребляться и в значении множественного числа, в частности, если нет необходимости говорить о множестве каких-либо определённых предметов или понятий. В качестве подтверждения этой точки зрения можно привести одну из последних тюркологических работ, затрагивающих данную проблему [Иванов 1969: 31-48].

С помощью маркированной, то есть оформленной специальным аффиксом, формы множественного числа как бы подчёркивается группа каких-либо предметов или понятий, выделяясь из общей массы однородных предметов или понятий.

С точки зрения категории множества в целом к грамматическому множественному числу прежде всего относятся имена, обнаруживающие разнообразную совокупно-собирательную семантику, находящие своё выражение в карачаево-балкарском языке как в особых аффиксальных, так и других формах.

Совокупно-собирательные имена существительные отличаются от имён в формах множественного числа тем, что если последние рассматриваются на уровне грамматического формообразования, то первые находят своё выражение на лексическом уровне, а их морфологические особенности анализируются в словообразовательном плане. В рамках категории множества в генетическом отношении формы множественного числа имён и лексем совокупно-собирательной семантики тесно связаны между собой.

Категория множества в карачаево-балкарском языке, как категория отчётливо воспринимаемая, наиболее привычная, самая рельефная, проявляется в виде грамматического множественного числа, например, *дуния – дунияла* 'мир – миры, вселенная – вселенные'.

Грамматическое множественное число наглядно воспринимается из-за того, что составляет бинарную оппозицию формам единственного числа, которые несут к тому же номинативную функцию, то есть выступают как наименование предметов и понятий.

В карачаево-балкарском языке так же, как и в других тюркских языках, существуют формальные средства для выражения множественного числа имён,

в частности имён существительных и соотносительных с ними местоимений, например, общетюркское *-ла/-ле* (в некоторых языках историческое *-лар/-лер*).

Сведения о формах множественного числа и инвентарных единицах морфологии – аффиксах, приводятся в каждой грамматике, в каждом грамматическом очерке любого из тюркских языков. Отдельные формы множественного числа давно стали привлекать и до сих пор привлекают специальное внимание исследователей тех или иных тюркских языков, в которых анализируются различные формальные показатели и безаффиксальные корни.

В отношении тюркских языков следует обратить внимание на то, что форма единственного числа именных основ одновременно может употребляться и в значении совокупно-собирающего множества. Особенностью карачаево-балкарского языка в формообразовании и словоизменении является наличие постфиксальной агглютинации.

В рамках категории множества, выражающей совокупно-собирающую семантику, отмечается грамматическое множественное число имени, для которого характерно постфиксальная агглютинация формальных идентификаторов.

Редупликация в карачаево-балкарском языке, то есть повтор или удвоение основы, образованной как по модели частичного сочетания, так и полного, употребляется в качестве способа словопроизводства. Удвоению подвержены не только все разряды знаменательных слов (существительных, прилагательных, числительных, местоимений, собственно глаголов, причастий, деепричастий, наречий, изобразительных слов) собственно карачаево-балкарского языка, но и арабо-персидские религиозные разряды слов, функционирующие по лексико-грамматическим особенностям заимствующего языка. В каждом из лексико-грамматических разрядов усилительных конструкций повтор выражает различную смысловую нагрузку, служит для обозначения особых оттеночных значений: интенсивности, многократности, разделительного множества, собирающей совокупности.

Совокупно-собирающее множество религиозных терминов проявляется как в удвоенных конструкциях, образованных по модели частичной редупликации, так и полного повтора. Слова, входящие в различные лексико-грамматические разряды повтора, несут различную смысловую нагрузку, служат для обозначения особых значений (интенсивности, многократности, разделительного множества, собирающей совокупности). В целом, следует обратить внимание на то, что значения, выявляющиеся в результате редупликации, имеют непосредственное отношение к категории множественности в отдельных лексико-грамматических разрядах.

Удвоение основы имён существительных отмечается как в карачаево-балкарском языке, так и других тюркских языках.

Повтор существительных по модели частичной редупликации выражает значение разделительного множества предметов, близкое к значению аффиксальных форм грамматического множественного числа.

Формы множественного числа в карачаево-балкарском языке, образованные с помощью усилительных конструкций, сопровождаемых препозиционными частицами, относятся к категории качественных прилагательных. Удвоению

основ в карачаево-балкарском языке по модели полного повтора обычно сопутствует оформление каким-либо падежным показателем, чаще всего это дательный и исходный падежи, например, *дуниядан – дуниягъа* 'из мира в мир, из вселенной во вселенную'. Здесь употребляются аффикс исходного падежа *-дан*, выступающий в препозиционном компоненте, и аффикс дательного падежа *-гъа*, функционирующий в постпозиционном компоненте. Адвербиальная функция настолько свойственна для удвоенных основ, что они могут быть включены в различные типы карачаево-балкарских словарей с переводом на русский язык в качестве наречно-обстоятельственных оборотов. Употребление редуцированных сочетаний существительных отчётливо видно в таких примерах, как *дуниядан – дуниягъа*, выступающих в форме изолированных лексических комплексов, так и в составе предложений. Особенностью лексикографической интерпретации данной усилительной конструкции, как и других, является то, что обе части могут быть морфологизированы грамматическим аффиксом множественного числа *-ла/-ле*, например, *дунияладан – дуниялагъа* 'из миров в миры'.

Независимо от смысловых оттенков обстоятельство образа действия, выраженное редуцированной формой имени существительного, не может принимать формы винительного, родительного падежей.

Удвоенные существительные в предложении в карачаево-балкарском языке обычно выступают в функции обстоятельства и поэтому исследуются как наречия, образованные способом полного повтора.

Арабское заимствование *дуния* 'мир, вселенная', прочно-закрепившиеся во всех разделах карачаево-балкарского языка, участвует в образовании свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа, употребляется в составе простых и сложных предложений, в составе пословиц и поговорок.

Лексикализованные и грамматикализованные словосочетания, образованные с участием слова *дуния*, наряду с аффиксальным и лексико-семантическим способами слово- и формообразования, играют большую роль в развитии словарного и фразеологического состава, грамматического строя карачаево-балкарского языка. Все эти конструкции можно объединить в общую категорию устойчивых, неразложимых сочетаний слов.

Устойчивые сочетания *дуния бла бир* 'очень много, большое количество', *дуниягъа аты айтылгъан* 'прославленный', *дуниягъа чыкъ* 'становиться на ноги' (о материальном положении), *дуниядан кет* 'умирать, скончаться', *дуния жарыгъы* 1) 'свет, мир', 2) 'блага жизни', *дуния малы* 'богатство, состояние', *дуния башында* 'на белом (божьем) свете, во всём мире' [ТСКБЯ 1996: 690-691] формируются с учётом лексико-семантических особенностей составляющих компонентов. Изучение особенностей их образования и употребления в карачаево-балкарском языке имеет важное значение для определения общих закономерностей лексикализованных словосочетаний. Все отмеченные сочетания слов с синтаксической точки зрения являются неразложимыми устойчивыми единицами фразеологического характера, с учётом устойчивых отношений, в которых не определены синтаксические типы связи между словами.

Такие слова, как *дуния* ‘мир, вселенная’, в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, выражают разнообразие и множество, большей частью одно сложное понятие или собирательный смысл. В таких парных конструкциях, как *дуниядан – дуниягъа*, второй компонент рифмуется с первым и создание таких сложных парно-повторных единиц связано с модификацией значения основного компонента. Такие сочетания имеют грамматическое значение множественного числа; при склонении в единственном числе изменению подвергается обычно второй компонент, а аффикс множественного числа *-ла* прибавляется как к обоим словам, например, *дунияладан – дуниялагъа*, так и к последнему слову, например, *дуниядан – дуниялагъа*. Притяжательные аффиксы тоже присоединяются в такой же последовательности, например, *дуниямдан – дунияма* ‘из одного мира в другой’, *дунияларымдан – дунияларыма* ‘из одних миров в другие’.

В карачаево-балкарском языке изменению подвергается или последний компонент, или оба компонента вместе.

Устойчивые словосочетания в карачаево-балкарском языке образуются как неразложимые лексические и фразеологические единства в результате лексико-семантической трансформации моделей свободных словосочетаний. Они создаются как новые лексические и синтаксические единицы в результате модификации значений существующих лексических единиц, появления новых стилистических средств языка на основе различных типов синтаксических связей. В действительности же закономерности формирования устойчивых словосочетаний формируются на основе «сложного переплетения структурно-звуковых, лексико-семантических, грамматических и стилистических факторов» [Муратов 1961: 21].

Они формируются с учётом особенностей строя карачаево-балкарского языка, морфологической и лексико-семантической структуры слова. Новые лексические единицы возникают в процессе лексикализации свободных словосочетаний и обогащения стилистических возможностей языка способом образования фразеологических единиц.

По форме и функции в зависимости от целевого назначения проводится чёткая дифференциация между свободным словосочетанием и лексикализированным, между сложным словом и фразеологической единицей. Рассматривая структурные особенности и формы функционирования в языке лексикализированных словосочетаний и фразеологических единиц в карачаево-балкарском языке со словами *дуния, дунияла, дуниягъа, дуниялагъа, дунияда, дуниялада, дуниядан, дунияладан*, следует обратить внимание на устойчивый, неразложимый характер значений составляющих компонентов. Вводные выражения, различные речевые формулы, способствующие созданию устойчивых оборотов речи стилистико-вспомогательного характера, лишь косвенно связаны со словарным составом языка и обусловлены лексико-смысловыми особенностями сочетающихся в той или иной фразеологической единице слов. Среди устойчивых сочетаний слов отмечаются и синонимические варианты функционирующих лексических единиц, участвующие в расширении стилистических возможностей, выразительных средств карачаево-балкарского языка.

Фразеологические единицы, образованные способом словосложения и дальнейшей лексикализации составляющих компонентов, становятся в результате лексико-семантических трансформаций обычными лексическими основами. Идиомы лексико-фразеологического типа или образные выражения, то есть «живые» метафоры языка, возникшие на основе синтаксического фактора, относятся к синтаксическому способу словообразования. Особенностью проявления отношений слов в словосочетании является наличие свободной связи, при которой слова сохраняют индивидуальные лексические признаки.

При возникновении устойчивых связей между компонентами конструкций синтаксические отношения или отходят на второй план, или перестают вообще существовать. Наличие дословного перевода значений составляющих компонентов показывает, что возникновение устойчивого сочетания слов, образованного в результате лексикализации моделей свободных словосочетаний, не зависит от синтаксических правил, регулирующих сочетания компонентов, а зависит от степени разрушения и «обесцвечивания» синтаксических связей.

Заключение

Лексико-семантический анализ арабо-персидской заимствованной лексики *дуния* ‘мир, вселенная’ показывает, что мусульманские верования у балкарцев и карачаевцев, сохранившиеся не только в языке и культуре, но и фольклорно-мифологических текстах, тесно переплетаются с древними корнями духовной жизни народа, оказывают влияние на балкаро-карачаевскую литературу с точки зрения арабо-мусульманских традиций.

Сопоставительный анализ собранного материала, связанного со словом *дуния* ‘мир, вселенная’, показывает недостаточную разработанность этой религиозной лексики в целом: 1) во-первых, тем, что отсутствует стилистическая помета «религ.» или же характеристика религиозной лексики как мифологической; 2) во-вторых, при интерпретации религиозной лексики вводятся определённые конкретизаторы, принижающие религиозное значение слова, например, порядок значений религиозной семантики даётся в последнюю очередь; 3) в-третьих, учитывая особенности современного словаря, лексикографические проблемы или полное отсутствие многих религиозных терминов, употребляемых параллельно в народном языке и художественных произведениях, можно объяснить атеистическими взглядами составителей «Толкового словаря карачаево-балкарского словаря».

К числу фонетических и словообразовательных особенностей слова *дуния* ‘мир, вселенная’ относится одновременное употребление заднерядного и переднерядного вокализма и вследствие этого отсутствие гармонии гласных, что свидетельствует о том, что эта немотивированная фондовая единица морфологии карачаево-балкарского языка является непроемкой.

Грамматической особенностью субстратной лексики *дуния* является то, что она употребляется в форме принадлежности, сочетаясь с аффиксами 1-го, 2-го, 3-го л. ед. и мн.ч.

Слово *дуния* употребляется в составе свободных и лексикализованных словосочетаний как терминообразующий компонент, выступая в позиции опре-

деления в виде грамматического превращения имени существительного в имя прилагательное.

С точки зрения фазы морфологического развития с учётом семантических и фонетических трансформаций слово *дуния* является самостоятельной единицей, имеющей реальное смысловое содержание.

Слово *дуния* характеризуется наличием стабильного звукового состава, то есть в его составе не может быть звуковых вариаций, как в аффиксах.

К особенностям грамматического развития слова *дуния* 'мир, вселенная' в карачаево-балкарском языке относится то, что к нему присоединяются как словообразовательные, так и словоизменительные аффиксы в определенной последовательности.

Употребляясь в формах пространственно-временных падежей, арабизм *дуния* выступает в функции самостоятельного слова, то есть наречия, а появление нового значения является результатом семантизации этимологического значения. Переход имени существительного *дуния* в результате различных лексико-семантических трансформаций в категорию изолированных частей речи следует считать одной из фаз морфологического развития этого слова.

Арабское заимствование *дуния* 'мир, вселенная' с морфологической точки зрения участвует и в словоизменительных процессах, адаптируясь под грамматические категории карачаево-балкарского языка, выявляя изменения, свойственные имени существительному.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев 2000 – *Бабаев С. К.* К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. *Историко-этнографические очерки*. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 248 с.

Баскаков 1952 – *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. – М., Изд-во АН СССР, 1952. – Ч. 1: Части речи и словообразование. – 544 с.

Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.

Иванов 1969 – *Иванов С.Н.* Родословное древо тюрок Абу-л Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). – Ташкент: Фан, 1969. – 203 с.

Кононов 1960 – *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

Муратов 1961 – *Муратов С.Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 131 с.

Несмолкнувшее слово: Памяти Ахмата Жунусовича Будаева 2014 – Несмолкнувшее слово: Памяти Ахмата Жунусовича Будаева / Авт.-сост. Л.А. Будаева. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. – 232 с.

ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. I. А–Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с.

Юлдашев 1972 – *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972. – 416 с.

REFERENES

BABAIEV 2000 – *Babaev S. K.* On the issues of history, language and religion of the Balkarian and Karachai peoples. *Historical and ethnographic essays*. Nalchik: Elbrus, 2000. – 248 p.

BASKAKOV N.A. *Karakalpakskii yazyk. Fonetika i morfologiya* [The Karakalpak language. Phonetics and morphology]. – M., Izd-vo AN SSSR, 1952. – Ch. 1: Chasti rechi i slovoobrazovanie. – 544 p. (In Russ.).

DMITRIEV N.K. *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Grammar of the Bashkir language]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 276 p. (In Russ.).

IVANOV S.N. *Rodoslovnnoe drevo tyurok Abu-l Gazi-khana. Grammaticheskii ocherk. (Imya i glagol. Grammaticheskie kategorii)* [The family tree of the Turks of Abu'l Ghazi Khan. A grammatical essay. (Name and verb. Grammatical categories)]. – Tashkent: Fan, 1969. – 203 p. (In Russ.).

KONONOV A.N. *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Uzbek literary language]. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 446 p. (In Russ.).

MURATOV S.N. *Ustoichivye slovosochetaniya v tyurkskikh yazykakh* [Stable phrases in the Turkic languages]. – M.: Izd-vo vost. lit., 1961. – 131 p. (In Russ.).

The silent word: In memory of Akhmat Zhunusovich Budaev 2014 – The silent word: In memory of Akhmat Zhunusovich Budaev / Author-comp. L.A. Budaev. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov (LLC "Polygraphservice and T"), 2014. – 232 p.

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language]. V 3 t. T. I. A–Zh. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 1016 p. (In Russ.).

YULDASHEV A.A. *Printsipy sostavleniya tyurksko-russkikh slovarei* [Principles of compilation of Turkic-Russian dictionaries]. – M.: Nauka, 1972. – 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.М. Кабардокова – лаборант.

Information about the author

L.M. Kabardokova is a laboratory assistant.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.